Земля наша велика и обильна

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

АНО «ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРА»

ООО «НПО «СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ-1»

Земля наша

ВЕЛИКА И ОБИЛЬНА...

90-летию А. Н. Кирпичникова посвящается

Книжная Типография
Санкт-Петербург
2019

УДК 902
ББК 63.4(2)

Благодарим за финансовую поддержку данного издания
Георгия Петровича Визгалова и Олега Викторовича Кардаша

Ответственный редактор:
С. В. Белецкий

Редколлегия:
Г. П. Визгалов, Т. Н. Джаксон, М. М. Казанский,
О. В. Кардаш, В. А. Лапшин, А. И. Сакса

Рецензенты:
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук П. Г. Гайдуков,
кандидат исторических наук О. А. Щеглова

Печатается по решению Ученого Совета ИИМК РАН

Земля наша велика и обильна : сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. — СПб.: Невская Типография, 2019. — 442 с., 170 ил.

Сборник научных статей «Земля наша велика и обильна…», подготовленный к изданию Институтом истории материальной культуры Российской Академии наук, посвящен 90-летию доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника культуры РФ Анатолия Николаевича Кирпичникова. В сборнике представлены статьи, написанные историками и археологами из Вюрцбурга, Москвы, Парижа, Перми, Пскова, Риги, Санкт-Петербурга, Старой Ладоги и Сургута. В большинстве работ впервые вводятся в научный оборот результаты новейших открытий в изучении средневековой археологии и истории европейских стран. Статьи иллюстрированы фотографиями, чертежами, рисунками и картами.

Сборник адресован историкам, археологам, филологам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историческим прошлым России и сопредельных стран.

ISBN 978-5-907053-29-8
DOI 10.31600/978-5-907053-29-8

© Институт истории материальной культуры РАН, 2019
© Авторы статей, 2019
© Белецкий С. В., научное редактирование, 2019
© ООО «Невская Типография», 2019

Содержание

В. А. Лапшин. Анатолий Николаевич Кирпичников. К 90-летию со дня рождения 5

Л. А. Губчевская. «Заповедный» — значит «особо хранимый» 8

Л. М. Всевиов (составитель). Библиография работ А. Н. Кирпичникова 11

А. А. Александров. «Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи) 14

С. В. Белецкий. Геральдические подвески X–XI вв. 30

Р. Брузис. Бутафории оружия ближнего боя XIV–XVI вв. на территории Латвии 50

Ю. А. Виноградов. О терракотовых статуэтках с изображением воинов из Ольвии 61

К. В. Горлов, Н. В. Григорьева. Фракция новгородского рубля с Земляного городища Старой Ладоги 66

Г. С. Гофман, Т. Ю. Закурина. Изборская крепость в первой трети XIV в. 70

Т. Н. Джаксон. О природных чудесах Исландии 84

А. Н. Егорьков, А. В. Плохов. Химический состав раннесредневековых стеклянных изделий Рюрикова городища 91

И. И. Еремеев. Фрагмент предмета церковной утвари с Бронницкого городища под Новгородом 99

М. М. Казанский. О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы 113

С. Ю. Каинов. «Большой» меч из Чёрной могилы (предварительные итоги нового этапа изучения) 125

О. В. Кардаш, З. Г. Гайдакова. Топоры-секиры у населения Крайнего Севера в XII–XIV вв.: бытовые и ритуальные аспекты 140

А. А. Кищук, О. В. Овсянников. Из истории поморского летописания конца XVII — начала XVIII в.: «летопись» и рисунки Ивана Погорельского 156

Л. С. Клейн. Спор о варягах как пережитое 183

Н. Б. Крыласова. Комплекс вооружения финно-угорского Рождественского могильника в Пермском крае 201

Ю. А. Кулешов. Позднесредневековый шлем из собрания Козьмодемьянского культурно-исторического музейного комплекса (к вопросу о традициях и технологиях оружейного производства Генуэзской Газарии) 215

А. А. Купранис. О древнерусских весовых эталонах 241

А. В. Курбатов. Кожаные детали вооружения и амуниции в древности и средневековье по письменным и археологическим данным 245

В. А. Лапшин. Первые строители Петербурга 258

П. А. Миляев. Предметы вооружения XVI–XVII вв. из раскопок на территории ладожского посада 267

К. А. Михайлов, А. А. Пескова. Находки защитного вооружения из раскопок древнерусского Шепетовского городища (заметки к трудам А. Н. Кирпичникова) 286

Е. Р. Михайлова. Двушипные наконечники копий из Которского погоста 298

А. Г. Панкратов. Новые данные о пластинчатых панцирях на Руси 312

В. Я. Петрухин. Вещий Олег и «могила в Ладоге» 322

Н. И. Платонова. Г. Косинна и А. А. Спицын: единство противоположностей (к вопросу о «национализме в археологии») 332

А. И. Сакса. «Выборгский гром» 1495 г. — легенда или действительность? Иван III и «Балтийский вопрос» конца XV в. 343

Е. В. Салмина, С. А. Салмин. В поисках захаба: археологические раскопки в Псковском кремле в 2016 г. 358

Т. Б. Сениченкова, Н. В. Семёнова, О. К. Дмитриева. Новая находка из старых раскопок 379

В. Ю. Соболев. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли 384

П. Е. Сорокин, П. А. Васин. Романские мечи из Приневья и юго-западного Приладожья 395

Р. Спиргис. Ливские подражания готландским брактеатам X–XIII вв. 405

С. В. Томсинский. Каменные иконки из раскопок древнерусского «Изяславля» 424

С. Н. Травкин. Повторное использование монет и хронология кладов на территории Юго-Восточной Европы в средние века 433

Сокращения 439

А. А. Александров
(Псков)

«Князя поищем, иже бы владел нами и рядил ны по праву» (заметки на полях летописи)

Рюрик и братья

Новгородская Первая летопись под 859 годом сообщает: «В лето 6362… Во времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словене свою волость имели, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своим родом владяще; а Чюдь своим родом; и дань даяху Варягом от мужа по белеи веверици, а иже бяху у них, то ти насилье деяху Словеном, Кривичем и Мерям и Чюди. И въсташа Словене и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владети сами собе и городы ставити. И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град, и не беше в нихъ правды. И реша к себе: „князя поищемъ, иже бы владел нами и рядил ны по праву“. Идоша за море к Варягом и ркоша: „земля наша велика и обилна, а наряда у нас нету; да поидете к нам княжить и владеть нами“. Изъбрашася три брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новугороду. И седе стареишии Новегороде, бе имя ему Рюрик; а другыи седее на Белеозере, Синеус; а третеи в Изборьске, имя ему Трувор. И от тех Варяг, находник тех, прозвашася Русь, и от тех словет Русская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжьска.

По двою же лету умре Синеус и брат его Трувор, и прия власть един Рюрик, обою брату власть, и нача владети един. И роди сынъ, и нарече имя ему Игорь. И възрастъшю же ему, Игорю, и бысть храбор и мудр. И бысть у него воевода, именем Олег, муж мудр и храбор» (НПЛ: 106).

Другие летописные списки относят «призвание варягов» к 862 г., а смерть Трувора и Синеуса и начало правления Рюрика — к 864 г.

«Град на град» — то же, что «род на род» в других летописях. Следовательно, на середину IX в. град равен роду. Это же можно спроецировать, вероятно, и на более раннее время — большая семья, возможный эквивалент рода, до XIX в. насчитывала до 120 человек.

Дружина «многа и предивна». «Предивна», может быть, в том смысле, что именно таких варягов здесь еще не видели: они пришли из зоны юрисдикции франков и имели соответствующее вооружение (франкские шлемы с гребешками, франкскую мечевую амуниция). Могла быть и необычная одежда — франкские плащи. Известно также, что некоторые викинги, происходившие от смешанных браков скандинавов

с шотландками, носили шотландские килты. Конечно, воины в такой одежде и с таким снаряжением могли вызвать фурор среди местных славян. Здесь уместно также вспомнить две гибридные ирландско-скандинавские накладки из Пскова.

По поводу княжеской субординации летопись сообщает, что Игорь «храбр и мудр» тогда как Олег «мудр и храбр».

Несколько слов о самом процессе призвания князей. В известном летописном рассказе о призвании трех братьев в 862 г. коалицией племенных союзов северного региона Восточной Европы: «…реша Руси Чюдь и Словени и Кривичи…» (ЛЛ: 19–20) — уже содержится трехчленная структура, присутствующая в дальнейшем летописном изложении:

кривичи	словене	чудь
Изборск	Новгород	Белоозеро
Трувор	Рюрик	Синеус

При этом под ранним Новгородом в IX в. понимались либо Ладога, либо Рюриково городище. Таким образом, распределение городов и князей идет по племенному принципу в рамках всё той же северной конфедерации племен. Древнейшая летопись — «Повесть временных лет» — так и сообщает: «В лето 6367 (859 г. — *Авт.*). Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех кривичех…» (ЛЛ: 19). Обычный перевод: «…взимали дань…», с какого именно времени — непонятно. Историки карамзинской поры считали, что, может быть, платили уже с VI в. В словаре И. И. Срезневского *имати* — «брать» (Срезневский, т. I 1958: 1091–1092). То есть, можно понять и так, что дань варяги стали брать в 859 г., и продержалась она только три года. Учитывая гигантскую территорию «всех кривичей» (древненовгородский или севернокривичский диалект) и немалые объединенные силы перечисленных племен, такая дань в Восточной Европе и не могла продержаться долго.

Итак, что сообщает летопись под 862 годом: «Изгнаша варяги за море и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву. И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англяне, друзии гте, тако и си. Реша руси чудь, словени, и кривичи, и весь: „Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володети нами“. И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша…» (ЛЛ: 19–20).

Когда я перечитываю этот текст и его общепринятый перевод, меня не покидает странное ощущение недоговоренности. В самом деле, слова «а наряда в ней нет» переводятся как «а порядка в ней нет». В этом смысле перевод недалеко ушел от того, как это понимал в 1868 г. А. К. Толстой:

А эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули наши предки:
Порядку де, вишь, нет.

И стали все под стягом,
И молвят: «Как нам быть?
Давай пойдем к варягам:
Пускай придут княжить...».

Действительно, ключевое слово *наряд* перевод трактует как *порядок*. Но *порядок* в общепринятом смысле у славян, как раз, был: об этом племенном порядке сообщает сама же летопись: «Имяху бо обычаи свои и закон отец своих и преданья, каждо свой нрав» — «все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждое — свой нрав» (ЛЛ: 14). За всем этим им, как раз, к варягам ходить было совершенно незачем. Племенной порядок был, и он, несомненно, соблюдался. Что касается междоусобиц, то они периодически бывали в славянских землях и раньше. Ничего необычного тут нет. Летопись прямо говорит, что шли к варягам не за «порядком», а за другим — за князем. И действительно, в словаре В. И. Даля находим: «Наряд*у* нар. На ряде, в голове, в начальниках» (Даль 1979: 405). Тогда обращение послов надо понимать иначе: «Земля наша велика и обильна, а в начальниках в ней никого нет». Учитывая, что новгородского князя Гостомысла, который всем этим управлял, уже не было в живых, фраза получается вполне адекватной сложившейся ситуации. Действительно, один из списков летописи излагает суть дела чуть иначе: не «наряда», а «рядника в ней нет», распорядителя то есть.

Далее. Что есть «правда» с точки зрения летописца в конце XI — начале XII в.? Применительно к ситуации только одно — «Русская Правда», фиксированный писаный закон, имеющий полную юридическую силу на всей территории Руси. В самом деле, если мы посмотрим значение слова «правъда» в словаре И. И. Срезневского, то найдем 20 значений. Однако связанное с этим другое ключевое слово — «право» — имеет два значения: 1) Свобода действия, власть, и 2) Законы, право. «Свобода действий» — это как раз то, от чего хотели избавиться. Так что, по тексту летописи, более всего подходит второе значение. Теперь посмотрим, есть ли что-то, связанное с «правом» по смыслу в одном из 20 значений слова «правъда». Да, есть: «свод правил, законы», причем, законы кодифицированные, зафиксированные в письменном виде (Срезневский, II, 1958: 1348–1349,1355–1359).

Итак, с точки зрения коалиции племен, требовался князь, который бы «володел … и судил по праву». Слово «володеть» имеет два значения: 1) «владеть, иметь в своей власти, в подчинении» и 2) «управляться» (Срезневский, I, 1958: 291). Правда, второе значение стоит у Срезневского под знаком вопроса. Однако, по летописной ситуации, подходит именно оно — князь должен не обладать, а управлять и судить в соответствии с законом. Князь же всегда имел дружину. Так что складывается приблизительно такая схема:

князь	дружина	«Правда»
Рюрик	«вся Русь»	«Закон Русский» (кодифицирован)

Из всего изложенного следует, что посылали не только за князем, но и за теми компонентами государственной власти, которых на месте не было. Следовательно, всё остальное было.

В связи с находкой в Новгороде цер с текстом конца X в. (до «Русской Правды»), остается надежда когда-либо найти если не весь текст «Закона Русского», то хотя бы какую-то его часть. Летопись же составлялась позднее. В конце XI — начале XII в. она знает только современное себе законодательство. В эпоху летописца это была «Русская Правда». Вот именно в таком законе и нуждался пестрый конгломерат славянских и неславянских племен. Князь же, на основании этой «Правды», должен судить «по праву», то есть в соответствии с законодательством. Именно этим и занимались древнерусские князья впоследствии. Очевидно, коалиция племен знала, где есть князья с фиксированным законом, от которого до нас дошло только название: «Закон Русский».

Показательно, что в перечне летописных скандинавских племен нет данов, датчан, не знать о которых летописец не мог. Есть: свие — шведы; урмане — норвежцы; англяне — англичане; гте — жители острова Готланд; русь — «те же варяги». Датчан нет — есть русь. Учитывая происхождение Рюрика/Рёрека, летописец, очевидно, знал, что это, в общем, одно и то же. И повторяться не стал. Значительно позднее, в 1018 г., Титмар Мерзебургский, описывая реалии Киева и киевской земли, отметил, что город полон беглых рабов и «проворных данов» (ex velocibus danis) (Ключевский 1904: 154–155). Сведения Титмара основывались на непосредственных наблюдениях немецких участников похода польского короля Болеслава на русского князя Ярослава. Отмечу, что в это время и несколько позднее русь как этническая единица оставалась в Восточной Европе реальностью. В самом деле, в последний раз русь — суммарно псковичи и новгородцы — упоминаются летописью в 1060 г. в связи с битвой под Псковом с коалицией колыванцев и сосолов. Скорее всего, в начале XI в. эта русь в Киеве и его окрестностях и «проворствовала»; при этом летописец ее назвал русью, а Титмар — данами.

Е. А. Рыдзевская обратила внимание на ранний схолиаст (комментатор) Адама Бременского, который сообщает: «Ruzzia vocatur a barbaris Danis Ostrogard», то есть, «Руссия призвала варваров данов в Острогард» (Рыдзевская 1922: 107). Ostr/Austr — это восток; то есть, имеется в виду город на востоке. Острогард — это «восточное укрепление» или «восточный город». Учитывая то обстоятельство, что скандинавы воспринимали Неву как пролив, а Ладожское озеро как крайнее восточное ответвление Балтики, речь вполне может идти о городе Ладоге. Эти сведения о данах в Острогарде напрямую перекликаются с данными Титмара Мерзебургского о данах в Киеве. Адам Бременский написал свой исторический труд около 1075 г. Сведения о призвании данов явно относятся к более ранним временам и могут быть сопоставлены с известным летописным призванием варягов, которые, как известно, сначала появились именно в Ладоге.

Титмар — это 1018 г. Адам писал еще позднее. Мне скажут: слишком поздно по времени. Хорошо, посмотрим, кто есть кто киевские скандинавы раньше: в камерных погребениях Киева, Гнёздова, а теперь и Пскова есть находки восковых свечей — а это датский погребальный обычай.

Нельзя сказать, что в летописное время датчан не знали совсем: под 1134 г. в новгородской летописи отмечена расправа с новгородцами в Дании: «порубиша новгородцев за морем в Дони» (НПЛ: 208), так что для летописца Дания — «Дони» — это тоже «за морем», и за это море из Новгорода плавали.

В 862 г. у шведов, норвежцев и ютландских датчан еще не было фиксированного письменного законодательства. Возможно, здесь, как и в Исландии, был законоговоритель, который знал всё законодательство наизусть и всецело полагался на свою память. А вот в зоне юрисдикции франков, на территории руссов, весьма вероятно, письменная фиксация закона уже могла быть.

Была ли кодификация законодательства в самом государстве франков в столь раннее время? Да, была. Известно, что саллический закон (Lex Salica) был записан по распоряжению короля Хлодвига (481–511 гг.) еще в начале VI в., а при его преемниках подвергался дополнениям и переработкам. Наиболее поздние редакции появились при Карле Великом (768–814 гг.). После распада государства Карла (843 г.) и завершения образования новых народностей на его территории Саллическая Правда потеряла значение. Но для викингов-ленников 840-х гг. и несколько позднее это кодифицированное, письменное право было реальностью.

С эпохи каролингского возрождения проблем с грамотными людьми во Франкском государстве (до и после его разделения) не было. Перед глазами ленников-скандинавов был образец — кодифицированное франкское право, как салическое, так и разного рода распоряжения-капитулярии самого Карла Великого.

Хорошо известно, что «Закон Русский» вошел в древнейший текст «Русской Правды» — на это есть прямая отсылка в летописи под 911 г. в тексте договора с греками, где за удар мечом или сосудом «да вдасть литр 5 сребра по закону русскому» (ЛЛ: 34), что соответствует статье 3 «Русской Правды» (Русская правда 1952: 77). Это заметил еще Б. Д. Греков. Он же, между прочим, отметил также, что «Правда» Ярославичей по духу близка к Capitulare de villis — законодательству Карла Великого (Греков 1953: 90). Вполне вероятно, что не только по духу, но и по происхождению. Правда, опосредованно и преемственно, через «Закон русский».

Примечательно, что в другом формирующемся славянском государстве — в Болгарии — законодательство развивалось приблизительно тем же путем. Там при князе Борисе-Михаиле (852–888 гг.) был переведен с греческого на славянский язык Мефодием и введен в практику первый писаный свод законов «Номоканон», или «Кормчая книга». Тогда же составлен судебник «Закон судный людем». По-видимому, кодифицированный, письменный закон — непременное условие нормального и устойчивого функционирования ранних славянских государств.

Теперь относительно того, каких варягов «изгнаша» за море коалиция славянских и неславянских племен. В речи лагмана Торгнюра на тинге в Уппсале свеи сожалели о неких землях, утраченных за морем; среди историков давно существует мнение, что этими изгнанными варягами и были свеи — шведы, воевавшие в Восточной Европе и подчинившие себе некоторые земли при короле Эйрике. Позвали же других, «хороших» варягов, которые, к тому же, по Татищеву, состояли в родстве с линией князя Гостомысла через его дочь Умилу.

Между прочим, в «Сказаниях» А. Я. Артынова, использовавшего недошедшие до нас источники в списках XVII в., встречаются любопытные сведения. В литературном переложении Ю. К. Бегунова, издавшего его «Сказания», это будет так: «шведы („варяги“) напали на Новгород и завоевали его, но новгородцы восстали и изгнали шведов „за море“ (859 г.). Гостомысл умер вскоре после того (861 г.) и завещал новгородским словенам на княжение пригласить для защиты от шведов Рюрика. Так они и сделали. 8 сентября 862 г. конунг Рюрик прибыл в Новгород на 160 кораблях

и установил свое владычество как князь Новгородский. С тех пор начались „исторические времена“» (Бегунов 2000: 9). Если заменить несуществующий тогда Новгород Ладогой, наверное, всё это так, приблизительно, и было.

Может показаться чрезмерно большим число кораблей, однако надо иметь в виду, что именно 60-е годы IX в. — это расцвет эпохи викингов. Современник, монах Эрментариус сообщает: «Всё более судов, всё шире нескончаемый поток викингов» (Викинги 1996: 60). Для этого времени и для такого серьезного конунга, каким был на западе Рёрик-Рюрик, это, в общем, достойно.

Рис. 1. Гребень из Псковского городища. Раскопки 1936 г.

Своеобразным символом этого времени является роговой гребень X в. с изображением ладьи, найденный во время раскопок 1936 г. на Псковском городище (рис. 1). Гребень роговой односторонний, цельный с резной фигурной спинкой и с отверстием для подвески. Наверху спинки по обеим сторонам — резные головы птиц, к которым ниже, в технике глубокой резьбы, «пририсованы» по четыре лапы, так что получились некие фантастические животные. В центре — схематическое изображение ладьи в технике глубокой резьбы. Штевни ладьи с двух сторон высокие, загнуты внутрь. Мачта с обычным для ладей викингов четырехугольным парусом. Слева — рулевое весло. Изображенный корабль — северного типа. Слева от корабля изображение дерева, ветви которого поднимаются вверх. Часть зубцов обломана. Подобные изображения ладей и деревьев хорошо известны на территории Скандинавии. На таких ладьях в земли славян приплыли Рюрик, его братья и их дружины (Кондратьева 1977: 123–126).

Уникальными для Пскова, да и для всей Восточной Европы, являются две литые бронзовые накладки на ножны меча, найденные в Пскове при случайных обстоятельствах на берегу р. Псковы (рис. 2). Накладки представляют собой прямоугольные пластинки, несколько суженные в центре. Они могут быть датированы X в. (до 1000 г.). На одной из них по двум сторонам от центра — сцены борьбы двух хищ-

Рис. 2. Бронзовые накладки на ножны меча. Псков, подъемный материал

ников из семейства кошачьих со змеей. Морды хищников — с глазами и ушками, характерные для стиля Еллинг. По всему краю накладки идет невысокий бортик в виде стилизованной плетеной веревочки. На концах — свободные поля, возможно — литейные хвосты. Длина 6,6 см.

На другой накладке по двум сторонам от центра — зеркально расположенные стилизованные изображения сидящего человека со скрещенными на груди руками. Над обоими плечами — изображения морд драконов с глазами и ушками, обращенные по сторонам, характерные для стиля Еллиг. По краям накладки, обрамляя композиции, идет невысокий бортик. Длина 5,7 см.

Следы крепления на накладках отсутствуют, поэтому данные экземпляры, видимо, являются либо заготовками, либо матрицами[1].

Накладка такой же формы, но с иным орнаментом и большей длины — 9,8 см — найдена в Ирландии. На обороте этой накладки процарапано скандинавскими рунами: «Домналлу Роббенкопфу принадлежит этот меч». Имя Домналл — ирландское, фамилия Роббенкопф — скандинавская; из этого делается вывод, что у обладателя этого имени были ирландско-скандинавские родители. Из надписи также делается заключение, что это накладка на ножны меча. Форма накладки единична, но возможно, она происходит от наконечников ремней из кельтских областей Британии и Ирландии IX–X вв. (Wikinger 1992: 333, № 405). Следовательно, и псковские накладки могли иметь то же происхождение и назначение.

Военные действия в Псковской земле в X–XI вв.

Вслед за сообщением о призвании в 862 г. князей Рюрика, Трувора и Синеуса в летописи отмечено: «и начаша воевати всюду» (Лейбович 1876: 16). Имея в виду, что резиденциями князей стали Ладога, Изборск и Белоозеро, получаем весьма обширную территорию русского северо-запада и северо-востока, где с призванием князей начались какие-то боевые действия. Из той же летописи известно, что некоторое «неустроение» в среде местных племен наступило сразу же вслед за изгнанием неких «варягов», бравших здесь дань: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в собе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся (ЛЛ: 19). Учитывая, что в коалицию, призвавшую Рюрика и братьев с дружинами, входили чудь, словене, кривичи и весь — конгломерат племен многонациональный — возникает, естественно, вопрос: а с кем именно немедленно «почаша воевать всюду» боевые подразделения Рюрика и братьев? С теми, кто их призвал ради наведения порядка и управления, или были еще какие-то причины для ведения боевых действий? Первое весьма сомнительно: а зачем было призывать на свою голову вторых варягов, только что сбросив владычество первых? Всякого рода «усобицы» в среде славянских племен — дело обыкновенное; призвать третейских судей и управленцев в виде князя и дружины — это одно, а вот немедленно вовлекать их в какие-то боевые действия на своей территории или на ее границах — это нечто совсем иное.

[1] ПГОИАХМЗ, фонды археологии, колл. 2033, № 3, 12.

О некой военной деятельности первых русских князей сообщают внелетописные источники. На один из таких источников обратил внимание Д. А. Мачинский: это изданная в 1791 г. «Подробнейшая История Государей Российских», в части своих сведений восходящая к утраченным летописям. В 864 г. «по двою лету умре Трувор и Синеус, оба бесчадна, остася един Рюрик, и нача владети всею Рускою землею, и сбираху дани на Словянех и на Кривичах и на Мери, и на Муроме… и посла Воеводу своего именем Валета, и повоева Корелу, и дань на них возложи… В лето 6387 умре Рюрик в войне в Кореле…» (Новиков 1791: 52).

Если верить источнику, Рюрик выбрал северное направление для внешней экспансии. Очевидно, для замирения внутренних усобиц достаточно было мирных, дипломатических усилий. Теперь попытаемся понять, чем занимался князь Трувор, о котором летописям вообще ничего не известно. Но так, очевидно, было не всегда. Русский историк конца XIX в. князь Михаил Щербатов в первом томе своей «Истории Российской», со ссылкой на Стрыйковского, сообщает, «что Трувор умер под Вильною, знатно стараясь границы земель владения своего расширить» (Щербатов 1770: 194). Сейчас мы знаем, что в юго-восточной Литве, в 30 км к северо-западу от Вильнюса в местечке Кернаве, имеется комплекс из трех огромных городищ — центр формирования литовской государственности. Одно из них относится к рассматриваемому времени (Лухтан 1985: 49–50). Возникает вполне резонный вопрос: а что там делал Трувор в некотором, скажем, отдалении от своей базы — от Изборска? Некоторое прояснение дает летопись, которая в числе данников Ранней Руси называет племя нерома: «Нерома [Норома] сиречь Жемоить», на что давно обратил внимание А. И. Попов (Попов 1973: 97). Судя по топонимике, проанализированной Д. А. Мачинским, эта норома/нерома «сидела» на землях русского Северо-Запада, занимая северные половины современных Псковской и Новгородской областей (Мачинский 1986: 13). Очаг «неромской» топонимии известен также в Белоруссии, где вообще было довольно значительное балтийское присутствие (Шадыра 1993: 83). В составе инвентаря сопок на землях этой северной неромы встречаются бронзовые спиральные накосники жемайтийского типа, но с иной, чем в самой Литве, орнаментикой. Очевидно, что это не трофеи походов, а местные новации «насельников» здешних мест (Яблоник 1987: 21–23). Хорошо известны балтийские элементы и в предшествующей культуре псковско-новгородских длинных курганов, в том числе, вещи просто литовских типов. Общая датировка культуры — V–VII вв., но ее верхний хронологический рубеж так и не был сколько-нибудь достоверно определен. Скорее всего, остатки этого населения дожили и до VIII, и до IX, и до X в., дав, в конце концов, ту самую летописную неромy. Приблизительно в те же века на Северо-Западе фиксируется импульс славянского продвижения с юга. Продвинувшиеся группы славян нашли эту территорию не пустой, а заселенной, в том числе, и населением, говорившем на балтийских (пралитовских?) диалектах. Вероятно, оба этноса пришли к состоянию затянувшегося конфликта. Показательно хотя бы то, что ни литва, ни нерома не входят в состав коалиции, призвавшей Рюрика и братьев. Очевидно, что боевые дружины Трувора, на территории квартирования которых выявилось это противостояние, неизбежно должны были начать боевые действия на стороне тех, кто их призвал и им платил. Противоположная сторона, по логике войны, также неизбежно должна была обратиться за помощью в коренные земли своего первоначального расселения. Внутрилокальный конфликт

перерос в большую войну. Трувор и Рюрик — викинги первого поколения на Руси — могли придерживаться только одной тактики — наступательной. При этом личная безопасность для них мало что значила — «конунг рожден не для долгой жизни, а для громкой славы». Трудно сказать, чем кончился поход в Литву, но Трувор в этом походе, вероятно, погиб.

Кроме того, с 862 по 882 г. Восточная Европа была разделена на два враждующих между собой лагеря — с одной стороны северная Русь Рюрика и Олега, с другой — южная Русь Аскольда и Дира. Это противостояние достаточно хорошо показано Шахматовым (Шахматов 1919: 9).

По составу участников походов на Византию мы знаем, что без участия и поддержки восточнославянских племен ни одно из таких мероприятий не могло иметь места. Точно так же шли боевые действия и в Восточной Европе.

Исход этой долгой двадцатилетней войны до последнего момента оставался неопределенным. И война эта никак не могла состояться без участия и поддержки тех же восточнославянских племен — южной коалиции с одной стороны и северной — с другой. Естественно, что обе стороны в этой войне использовали все имевшиеся у них резервы, то есть, какие-то группы населения с территории будущей Псковской земли неизбежно должны были принимать участие в этих боевых действиях.

В 879 г. (по летописи) умирает Рюрик. Наступает правление малолетнего Игоря и регентство Олега. По одному из списков летописи, в 882 г. Олег идет на захват у южной коалиции кривичского Смоленска именно с кривичами. Согласно «Подробнейшей истории», после занятия Киева в 882 г., «иде Олег войною на Древлян и на Северы, и повоева их, и дань возложи… и начаша… дань имати на Мордве и на Черемисе и на Перми и по Печоре и на Кореле…» (Новиков 1791: 54). Земли Биармии — Перми и Печоры — были уже известны скандинавам во время их северных плаваний, и установление контроля над ними вполне реально. Итак, экспансия, начатая в 862 г., идет по нарастающей; схема всё та же — поход-война-дань.

Исследование последующих событий началось для меня с одной маленькой исторической загадки — в своей книге «Псков» известный архитектор Ю. П. Спегальский написал: «После нападения на Псков полоцкого князя Рогволда, то есть после 977 года, укрепления Крома, вероятно, были значительно усилены» (Спегальский 1963: 11). После некоторых поисков первоисточник этого уникального сообщения сыскался у Н. С. Ильинского в его «Историческом описании города Пскова», изданном в 1790 г. Н. С. Ильинский, понятное дело, не ссылается ни на кого. Вот что он об этом пишет: «В 977 году Владимир по смерти своего отца, имея неудовольствие на Полоцкого Князя Рохволда, который воевал волости Новгородские и град Псков взял, отъезжал к Варягам и тамо собирал войска за деньги» (Ильинский 1790: 18). Очередной внелетописный источник, который эти сведения тоже откуда-то взял, возможно — из какой-то недошедшей до нас летописи. Дошедшие же до нас летописи ни о каких подвигах Рогволода в Псковской и Новгородской землях не сообщают. «Повесть временных лет» отмечает только: «Слышав же се Владимир в Новегороде, яко Ярополк уби Ольга, убоявся бежа за море. А Ярополк посадники своя посади в Новегороде, и бе володея един в Руси» (ЛЛ: 75). Произошло следующее: старший сын Святослава, законный наследник киевского престола великий киевский князь Ярополк, действуя жесткой вооруженной рукой, произвел объединение всех русских земель. Один его брат — Олег древлянский — был убит войсками Ярополка,

другой сводный брат — Владимир — не дожидаясь той же участи, бежал за море в Скандинавию собирать наемное войско. Согласно сообщению источника, приводимого Н. С. Ильинским, это произошло не сразу, а после некоторого вооруженного сопротивления, организованного Владимиром: в неких новгородских волостях людям Ярополка пришлось вести боевые действия, а Псков, который не хотел сдаваться, по-видимому, пришлось брать штурмом. Несколько другую окраску приобретают и последующие события. На три года раньше, чем в летописи, упоминается полоцкий князь Рогволод, который действует в интересах и по поручению Ярополка. Становится ясно, что это его ставленник, им же в Полоцке и посаженный.

Через два года, в 980 г., Владимир появляется с войском: «Приде Володимир с варяги Ноугороду, и рече посадником Ярополчим: «Идете к брату моему и рцете ему: „Володимер ти идеть на тя, пристраивайся противу бится“. И седе в Новегороде» (ЛЛ: 75). «Древняя Российская вивлиофика» уточняет: «приде Великий Князь Владимир из за моря со многими Варяги в великий Новград, и согна Наместники и Посадники Ярополковы» (Новиков 1791: 60). Пауза в войне закончилась. Обе стороны активно готовились к боевым действиям. Очевидно, что Владимир, снова вокняжившись в Новгороде, отбирает у Ярополка и Псков. Возможно, что это произошло не сразу.

Затем Владимир предпринимает попытку «перетащить» на свою сторону полоцкого князя Рогволода, для чего отправляет сватов к его дочери Рогнеде: «И посла ко Рогволоду Полотьску, глаголя: „Хочю пояти дщерь твою собе жене“. Он же рече дщери своей: „Хочеши ли за Володимира?“ Она же рече: „Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю“». После такого ответа «Володимер же собра вои многи, варяги и словени, чюдь и кривичи, и поиде на Рогволда. В се же время хотячу Рогнедь вести за Ярополка. И приде Володимер на Полотеск, и уби Рогволода и сына его два, и дчерь его поя жене» (ЛЛ: 75). То есть, Рогволода с сыновьями убили, а Рогнеду взяли в жены Владимиру принудительно.

Софийский список новгородской летописи имеет любопытное расхождение: «И посла Добрыню ко Рогволоду, князю Псковскому». Возможно, что к моменту владимирова посольства Рогволод всё еще владел Псковом и даже мог там находиться; та же летопись иначе отмечает начало похода Владимира на Рогволода: «и приде Володимер на Псков, и уби Рогволода» (Лейбович 1876: 68).

То, что попытка переманивания Рогволода могла иметь место, косвенно подтверждает точно такая же история с «перетаскиванием» на свою сторону Владимиром главного ярополкова воеводы Блуда. Там это сработало. Воевода Блуд даже организовал убийство Ярополка. И пережил Ярополка ровно на три дня — Владимир наказал его за убийство брата.

Есть и еще одно любопытное разночтение — в Летописце Переяславля Суздальского речь Рогнеды немного иная: «не хочю розути кривитина» (Лейбович 1876: 68). То есть Владимир для Рогнеды еще и «кривитин», то есть кривич. Д. А. Мачинский справедливо заметил, что «Слово „кривитин“ было столь же „укоряющим“, как и „робичич“». Учитывая, что по отцовской линии Владимир был потомком Рюрика, а матерью его была «милостница» Ольги Малуша, Малка с явно германским прозвищем Мауся или Мауса — «Мышка», вероятно, та самая летописная Малфрида-Малфредь, которая, хотя и не названа по имени, но с большим почтением упомянута в «Саге о йомсвикингах», Владимир был потомком двух скандинавских линий. Единственное, что могло быть ему поставлено в упрек наименованием «кривитин»,

так это рождение в земле кривичей, вероятно, под Псковом. Следовательно, Рогволод и его семейство — уроженцы Скандинавии, пришедшие совсем недавно. «Варяжская» спесь и заставила Рогнеду назвать Владимира не только «робичичем» — сыном рабыни, но еще и «кривитином». В сложившейся ситуации любого из таких «перлов» было достаточно для начала войны. Любопытно, что и потомки служилых варягов, уже родившиеся на Руси, вели себя ничуть не лучше — в XI в. в «Слове на неделю мытаря и фарисея» содержится внушение знати не кичиться своей знатностью: «не хвались родом, ты благородный, не говори: отец у меня боярин, а мученики Христовы братья мне» (Ключевский 1904: 197). Имелись в виду два мученика-варяга, погибшие за веру от рук киевских язычников в 983 г.

Под 991 г. летопись сообщает: «Крестися Володимер [и вся Руская земля]… […Того же лета в Киеве Леонт митрополит всея Руси постави] Новугороду [и Пскову] архиепископа Иоакима Корсунянина, [а Ростову архиепископа Федора] [Гречина], а по инем градом епископы, и попы и диаконы, иже крестиша всю землю Русьскую…» (Лейбович 1876: 92). Существенно, что наряду с Новгородом в числе городов, подвергшихся крещению, сразу упомянут Псков. Как дружинники Владимира — Добрыня и Путята — крестили Новгород, хорошо известно из текста, написанного от первого лица и приводимого В. Н. Татищевым: дело закончилось грандиозной сечей новгородцев с киевской дружиной, сопровождавшей крестителей, и затем пожаром города. Подобного описания по Пскову нет, но там наверняка происходило то же самое. С той только разницей, что в Пскове с 988 г., казалось бы, мог быть уже свой князь — один из младших сыновей Владимира, Судислав, «посаженный» туда отцом. Однако по другим сведениям, Владимир из всех сыновей «трех у себя остави, бе бо млади: Станислав, Судислав, Позвизд» (Лейбович 1876: 88–89). В этом случае, Судислав мог обосноваться в Пскове позднее, уже после крещения.

В составе ктиторской части Стефановского синодика Спасо-Мирожского монастыря упоминаются только старшие сыновья — Ярослав, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб и их двоюродный брат Святополк Ярополчич; трех младших сыновей Владимира — тех самых, что он оставил при себе «по младости», — нет (Белецкий 1988: 8–10). Особенно показательно отсутствие Судислава: видимо, монастырь основывался еще без него. По С. В. Белецкому, это могло произойти в 1010–1015 гг.

Что же касается связанных с крещением событий 991 г. и соотносимых с этим весьма вероятных военных коллизий, то о них ничего неизвестно. Горел при этом Псков или нет — мы не знаем. Вероятно, горел, поскольку технология крещения была отработана на Новгороде.

В 1018 г. умирает престарелый князь Владимир и между его сыновьями начинается борьба за наследство отца. В этой борьбе активно участвуют сыновья Владимира: Святополк, Ярослав, Мстислав, Борис. Претенденты гибнут один за другим. В результате упорнейшей борьбы победителем становится Ярослав. С Мстиславом заключается мир (1024 г.), и тот получает Чернигов и левобережье Днепра. В 1034 г. здоровый и цветущий Мстислав умирает при загадочных обстоятельствах, и Ярослав становится полновластным правителем Русской земли. Первое, что сделал новый киевский князь в этом качестве, это «всади … Судислава в поруб, брата своего [меньшого], Плескове до живота своего, оклеветан бе к нему» (Лейбович 1876: 126, 127). Показательно, что пока был жив Мстислав, Судислав мог жить спокойно. Как только его не стало, Ярослав быстро разобрался с последним братом. Это позволяет

думать, что в ходе династической войны Судислав участвовал в каких-то блоках и соглашениях с братьями, но не с Ярославом, на котором, по тогдашним слухам, лежало пятно братоубийства (Филист 1990: 90–91, 140–143). Только в 1059 г., уже после смерти Ярослава, Судислав вышел из заточения глубоким стариком: «Изяслав, Святослав, Всеволод высадиша стрыя своего Судислава князя ис поруба, сиде бо лет 20 и 4 [в Пскове], заводивше и ко кресту, и бысть чернцем, и введоша и в Киев, [и подвизаша добродетельным житием] [в Киевопечерском монастыре]» (Лейбович 1876: 137).

Далее летопись довольно долго молчит о военных коллизиях на землях Новгорода и Пскова. Только под 1054 г. она повествует о походе князя Изяслава на эстонские земли. Маршрут похода пролегал через псковские владения: «Пришел Изяслав к Новгороду и посадил Остромира в Новгороде и пошел Остромир с Новгородцами на Чудь, и убила его Чудь, и много Новгородцев с ним пало. И во второй раз Изяслав пошел на Чудь и взял осек Кедипив, сиречь Солнечная Рука» (Лейбович 1876: 135–136).

Встречаются разночтения названия этого осека, или засечной черты — Декипив, Кевадив; последнее очень близко к эстонскому kevadine — «весенний», «вешний». Укрепленные засечные линии всегда ставились на границах. Судя по всему, и этот осек стоял на границе эстонских и псковско-новгородских земель, почему и носил двойное название. В этом походе был и сам посадник Остромир.

В летописи прямо не сказано, принимали ли участие в этом походе одни только новгородцы или вместе с псковичами, поскольку и сам Псков входил тогда в состав новгородской земли.

А вот в 1060 г. и новгородцам, и псковичам уже самим приходится защищать подступы к Пскову. Всё началось с того, что князь Изяслав наложил на одно эстонское племя совершенно неподъемную дань: «того же лета ходи Изяслав на Сосолы и дань заповеда даяти по 2000 гривен; они же поручьшеся, и изгнаша даньники; на весну же пришедше, повоеваша села о Юрьев и град и хоромы пожгоша, и много зла створиша, и Плескова доидоша воююще; и изидоша противу им Псковичи и Новгородци на сечу, и паде Руси 1000, а Сосол бещисла». Есть разночтение: «[около Юрьева дни (Апреля 22)] и [грады] пожгоша» (Лейбович 1876: 138). По первому варианту сосолы взяли и сожгли городок Юрьев, основанный Ярославом в 1030 г., по второму — пожгли еще какие-то городки между Юрьевым и Псковом. Первым на их пути на собственно русской территории был Изборск… Впрочем, оба варианта вполне совместимы.

Итак, даньщики возмутились непомерно большой данью, выгнали ее сборщиков и пошли войной под Псков, где и развернулись основные события. Судя по числу убитых с русской стороны и в несколько раз большему числу убитых со стороны противника, эта малоизвестная битва по своему накалу и количеству участников далеко оставляет за собой известное Ледовое побоище, которое произошло через 182 года. Пассионарии с двух сторон взаимно истребили друг друга. На русском Северо-Западе закончилась эпоха викингов. В последний раз на страницах летописи псковичи и новгородцы, действующие сообща, называются русью. Дальше пути расходятся: псковичи — отдельно, новгородцы — отдельно.

Передышка продолжалась недолго. В 1065 г. «Всеслав [Брячиславич Полотьский] рать почал; [собрав силы своя многыя], [приде ко Пскову, и много тружався с многыми замыслении и пороками шибав] [перси] [отъиде, ничтоже успев] (Сводная

летопись 1876: 140). Несмотря на тяжелые потери 1060 г., времена уже были не рогволодовы, город окреп и вырос, псковичи отбились. Тогда Всеслав через два года, в 1067 г., отправился походом на Новгород, взял его, пожег и разграбил. Кара последовала немедленно: киевские князья Изяслав, Святослав и Всеволод наголову разбили Всеслава на Немиге, обманом взяли его в плен и посадили в поруб.

После 1065 г. Псков до конца XII в. не упоминается в связи с активными боевыми действиями. По-видимому, на протяжении ближайших полутора столетий других любителей лезть лобовой атакой на псковские стены больше не находилось. Любопытно упоминание в связи с реалиями 1065 г. псковских «персей» — напольной высокой приступной стены. Мы знаем только упоминание псковской летописи: «заложиша Перши у Крому, стену каменную» под 1393 г. Это не исключает того, что у них были некие «некаменные» предшественники.

Вся вторая половина XI в. и весь XII в. — это время не только формирования будущей Псковской земли, но и постепенное проникновение в Прибалтику, на земли эстов и латгалов, где постепенно, под давлением скорее военно-политическим, нежели чисто военным, сформировались те податные области, где в дальнейшем, в эпоху республики, псковичи собирали дань со значительных территорий. Эту податную систему не смогло поколебать и немецкое завоевание Прибалтики. В дальнейшем, после присоединения к московскому государству, невыплата этой дани ливонцами явилась одной из причин 24-летней Ливонской войны.

Граница между собственно Русью и прибалтийскими землями колебалась. С постройкой Юрьева и в связи с неоднократными походами псковско-новгородских войск, эта граница, вероятно, была довольно далеко отодвинута к западу. Авторы исторических карт-ретроспекций, относящихся к этому времени, показывают широкую полосу территориальных приобретений русского государства до 1054 г., идущую от балтийского побережья на юг и заканчивающуюся значительно южнее Западной Двины (Atlas 1974: 37). С обретением Псковом самостоятельности, эта зона влияния и сбора дани перешла по наследству к псковичам.

«Меж Лютой и Скиру…»

Еще в работе 1981 г. известный топонимист А. И. Попов полагал, что на великом водном пути «из Варяг в Греки» могут встречаться отдельные скандинавские топонимы, своеобразное наследие местных варягов-викингов. Их могли оставить группы служилых скандинавов, поставленных охранять ключевые точки основных водных путей, поскольку иные — сухопутные — пути в IX–X вв. просто отсутствовали. В качестве одного из примеров такой топонимики Попов приводил название р. Веряжа под Новгородом, что означает просто «Варяжская», и это название связывается с местами первоначального проживания наемных варягов в земле новгородского племени словен. Названия типа Веряжа, Вережье есть и в Псковской земле, где скандинавы-варяги, судя по археологическим данным, определенно были. Вероятно, только названиями этого типа скандинавская топонимика и гидронимия здесь не ограничивались.

В Псковской летописи под 1471 г. упоминается уникальное название некой реки Скира или Скир: «в среду скопившеся Псковской силе добровольных людей с пол 2000 и больши … и поидоша в Новгородцкую волость воевати за рубеж

на Запсковскую сторону, и також пришед к рубежу и поидоша в утрее Бельской губе, и поидоша воюя по Новгородцкой волости, а хоромы жгуще. И бывши им за Лютою рекою меж Лютой и Скиру, и бысть в суботу в полдень удариша на них Новгородцкая рать» (ПЗЛ: 183).

Ходили псковичи против Новгорода тогда уже не по своей воле, а будучи «под рукой» Москвы, да и то воевали недалеко от своих собственных рубежей. Путь псковского войска прослеживается достаточно хорошо. Псковичи переправились через реку Пскову, перешли затем рубеж Новгородской земли, перебрались через речку Люта, которая и ныне носит то же самое название, и двинулись затем к Бельской губе — ныне деревня Бельско, которая находится в 2,5 км, не доходя речки Дряжна. Здесь-то и настигли их новгородцы.

Расстояние от Пскова до Бельско по прямой — 75 км. Если учесть извивы дороги, то никак не менее 80 км или немного дальше. Состав (добровольцы) и численность псковского войска — никак не менее 1000 человек — дает основание считать, что войско это было наверняка смешанным — конным и пешим. Дневной путь такого войска по старым, еще ранневизантийским канонам, равнялся 29,5 км. Трехдневный путь, таким образом, едва ли был больше 88–90 км. Если псковичи вышли в среду утром, то, как минимум, три дня — среда, четверг и пятница — у них заняла дорога. Значит, к Бельской губе они подошли утром в субботу, а боевые действия начали еще по пути, как только перешли новгородский рубеж. И в полдень, в ту же субботу по ним уже ударили новгородцы.

Итак, перейдя через Люту, но не доходя Скира, псковичи задержались либо вообще остановились для отдыха после трехдневного марша, что понятно. Речка Люта, левый приток реки Плюссы, течет в общем направлении с юга на север. Восточнее, параллельно ей, течет речка Дряжна. Следующий значительный левый приток р. Плюссы — речка Чёрная, вытекающая из озера Чёрного, расположена восточнее и течет в общем направлении к востоку — юго-востоку.

Сейчас река под названием Скир-Скира в этом районе неизвестна. Поэтому есть все основания считать, что Скиром в конце XV в. называлась какая-то речка, известная ныне под другим названием. Судя по тому, что Бельская губа расположена между речками Лютой и Дряжной, и что здесь и встретились новгородские и псковские войска, речка Дряжна — это и есть искомая летописная речка Скира или Скир.

В современном шведском языке слово *skir* означает «чистый, прозрачный». В древнеисландском языке, который весьма близок к древнескандинавскому, слово *skirr* имеет то же значение — «чистый». В этом случае, летописная речка Скир/Skirr имеет вполне «прозрачное», к тому же общегерманское, значение.

Скандинавские вещи — материальные следы пребывания здесь летописных варягов — довольно хорошо известны в Псковской области. Найдены они и в слоях X — начала XI в. во время археологических раскопок в самом городе Пскове. А на городище Камно, судя по находкам скандинавских вещей, варяги были еще в IX в. Очевидно, вместе с ними «из заморья» пришел обычай сооружать сопки. Особенно много таких курганов в Новгородской области, но есть они и в Псковской — всего здесь известно около 250 пунктов. Немного выше истока Дряжны, к западу от Чёрного и Щирского озер, сопки отмечены в шести пунктах. Есть сопки и на самой речке Дряжна. На карте все эти пункты образуют довольно компактное скопление, зону древнего освоения. Традиция сооружения таких высоких (до 5–8 м высотой) насыпей пришла сюда, вероятно, из района Старой Ладоги, где они известны еще

в VIII в. В Ладогу же эта традиция пришла из Скандинавии. А там такие огромные погребальные насыпи — королевские курганы, например, в Старой Упсале, — известны с V–VI вв. Вероятно, что и скандинавские дружинники, живя на Руси, также могли хоронить своих умерших в привычных для них высоких престижных курганах.

Обосновавшись в верховьях небольшой речки, горстка служивых варягов назвала ее по-своему — Скир, чистая, прозрачная. Название это удержалось, по крайней мере, до 1471 г., когда оно и попало на страницы Псковской летописи. И это при том, что после начала XII в. ни о каких проживающих в Восточной Европе скандинавах мы ничего не знаем. А к концу XV в. они давно смешались с местными славянами, утратив и свой язык, и свою культуру. Остались от них только слабые следы в виде единичных названий на географической карте на месте старых мест поселений и кое-что в антропологии русского населения Северо-Запада России (Гуревич 1966: 180).

Служба наемного воина-профессионала в Древней Руси хорошо оплачивалась, так что люди это были далеко небедные. Поэтому не надо удивляться тому, что в этой же «зоне освоения», близ д. Узьмино, в 1889 г. «на старинном вековечном поле», которое обрабатывалось «с незапамятных времен», был найден клад, относящийся к X — началу XI в. Клад этот состоял из серебряных вещей — трех целых шейных гривен, из которых одна была гранчатая, три гривны — с нарезками, подражающими витью, и несколько обломков таких гривен (Корзухина 1954: 82). Серебряная гривна на шее в те времена — украшение не рядовое, престижное, своеобразный знак принадлежности к высшему сословию. По-видимому, в минуты опасности клад был зарыт в землю, а хозяин за ним так и не пришел. Учитывая то, что время тогда было грозное, он, скорее всего, погиб в бою и был захоронен под высокой сопкой где-то на бескрайних просторах той самой Древней Руси, которую он защищал. Возможно даже, погиб в 1060 г. под Псковом в битве с сосолами. И остались от него и его сотоварищей только высокие курганы на взгорках, капли варяжской крови, текущей в жилах современных псковичей и новгородцев, да загадочное название речки Скира, случайно сохранившееся на страницах Псковской летописи.

Литература

Бегунов 2000 — Бегунов Ю. К. (сост.). Сказания Великого Новгорода, записанные Александром Артыновым. М.: Буй-Тур, Менеджер, 2000. 319 с.

Белецкий 1988 — *Белецкий С. В.* К вопросу о начале распространения на Псковщине христианства // АИППЗ. Псков, 1988. С. 8–10.

Викинги 1996 — Викинги: набеги с севера. Флорентьев М. (пер.). М.: Терра, 1996. 168 с.

Греков 1953 — *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. 569 с.

Гуревич 1966 — *Гуревич А. Я.* Походы викингов. М.: Наука, 1966. 183 с.

Даль 1979 — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М.: Русский язык, 1979. 779 с.

Ильинский 1790 — *Ильинский Н. С.* Историческое описание города Пскова и его древних пригородов с самого их основания… Ч. I. СПб., 1790. 67 с.

Ключевский 1904 — *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. I. М., 1904. 1146 с.

Кондратьева 1977 — *Кондратьева О. А.* Гребень из раскопок Н. Н. Чернягина в Псковском кремле // Мавродин В. В. (отв. ред.). Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л.: Изд. ЛГУ, 1977. С. 123–126.

Корзухина 1954 — *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 156 с.

ЛЛ — Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. I. Л., 1962. 577 стб.

Лухтан 1985 — *Лухтан А. Б.* Кернаве в свете письменных и археологических источников // АИППЗ. Краткие тезисы докладов к предстоящей НПК (заседания 13–15). Псков, 1985. С. 49–50.

Мачинский 1986 — *Мачинский Д. А.* Этносоциальные и этнокультурные процессы в северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Бернштам Т. А., Чистов К. В. (отв. ред.). Русский Север: проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л.: Наука, 1986. С. 3–29.

Новиков 1791 — Древняя Российская Вивлиофика… издаваемая … Николаем Новиковым. Изд. 2-е. Ч. XVI. М., 1791. 434 с.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 15–427.

ПЗЛ — Псковская 3-я летопись // Псковские летописи. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 70–290.

Попов 1973 — *Попов А. И.* Названия народов СССР: введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973. 170 с.

Русская Правда 1952 — Русская Правда. Краткая редакция // Памятники права Киевского государства X–XII вв. М.: Госюриздат, 1952. С. 77–107.

Рыдзевская 1922 — *Рыдзевская Е. А.* Холм в Новгороде и древне-северный Holmgarđr. Известия Российской академии истории материальной культуры. Т. II. Петроград, 1922. С. 105–112.

Сводная летопись 1876 — Сводная летопись, составленная по всем изданным спискам летописи Л. И. Лейбовичем. Вып. 1. СПб.: Тип. О. И. Бакста, 1876. 414 с.

Спегальский 1963 — *Спегальский Ю. П.* Псков. М.; Л.: Искусство, 1963. 61 с.

Срезневский, I-III 1958 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М.: Гос. издат. иностранных и национальных словарей, 1958. Т. I (1420 стб), II (1802 стб.), III (1684 стб.; доп. 272 стб.).

Филист 1990 — *Филист Г. М.* История «преступлений» Святополка Окаянного. Минск: Беларусь, 1990. 154 с.

Шадыра 1993 — *Шадыра В. I.* Фіна-угры, балты і славяне на поўначы Беларусі ў I тыс. н. э. // Весці Акадэміі Навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 1993. № 3. С. 83–90.

Шахматов 1919 — *Шахматов А. А.* Древнейшие судьбы русского племени. Петроград: Русский ист. журнал, 1919. 64 с.

Щербатов 1770 — *Щербатов М. М.* История Российская от древних времен. Т. I. Кн. 2. СПб.: 1770. XVI, 325, [48] с.

Яблоник 1987 — *Яблоник Д. Л.* О двух типах бронзовых украшений культуры сопок // История и Археология Новгородской земли (тезисы НПК). Новгород: НГОМЗ, 1987. С. 21–23.

Atlas 1974 — Atlas historyczny swiata. Warszawa: Panstwowe przdsiebiorstwo wydawnictw kartograficznych, 1974.

Wikinger 1992 — Wikinger. Warager. Normannen. Die Skandinavier und Europa 800–1200. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin, Preussischer Kulturbesitz, 1992. 432 S.